

Действующие лица

Девочка по имени Лина

Мальчик по прозвищу Мясо

их Холодильник

друг Рэкс

сосед Вий

Все они - Сказ-очники

Очень странное место непонятно где.

- 1 -

Девочка по имени Лина и мальчик по прозвищу Мясо ждут курьера.

ЛИНА. Мне кайфово жить. Это странно? Почему людям странно? Потому что я - это я? А почему я не должна? Почему?

МЯСО. Хватит разговаривать с отражением. Поговори лучше со мной.

ЛИНА. Я - молчу.

МЯСО. Что-то - бубубу. Я же слышу.

ЛИНА. И что?

МЯСО. Ничего, конечно.

ЛИНА. Позвони курьеру. Достало ждать.

МЯСО. Не писай кипятком, пожалуйста.

ЛИНА. Хорошо. Не буду.

Молчат.

ЛИНА. Звони!

- 2 -

Лина, Мясо, Рэкс и Холодильник в упаковке.

РЭКС. Ничего себе. Какой новый. Класс. Как я вовремя зашел. А зачем вы его так? Он же новый. И дорогой.

МЯСО. И тяжелый.

ЛИНА. Старый столько не весил. А ведь ЗИЛ. С историей.

РЭКС. Протухшая история семейных обедов. Куда ей столько весить.

МЯСО. Давайте ставить.

ЛИНА. Умоляю. Осторожней. Берегите углы. Углы!

- 3 -

Лина, Мясо, Рэкс и Холодильник без упаковки.

ЛИНА. Боже! Красивый.

МЯСО. А я?

ЛИНА. У тебя шрам на лбу.

МЯСО. Шрамы украшают.

ЛИНА. Твой - исключение.

РЭКС. Нога! Моя нога!

МЯСО. Ой.

ЛИНА. Ты ему кроссовок раздавил.

РЭКС. Моя ноженька, мой пальчик.

ЛИНА. Кроссовок жалко.

МЯСО. Ой.

ЛИНА. Рэкс! Пст. Слышишь? Алло! Слышишь меня?

РЭКС. Я теперь хромоножка.

ЛИНА. Хромота украшает.

МЯСО. А шрамы?

ЛИНА. А шрамы по-любому нет.

МЯСО. Рэкс. Хорош уже.

РЭКС. Ладно.

ЛИНА. Такой новый. Давайте походим вокруг него.

РЭКС. Типа - хоровод?

МЯСО. Неохота.

Ну ладно.

Лина, Мясо и Рэкс весело и шумно бегают вокруг Холодильника.

- 4 -

Лина, Мясо, Рэкс, Холодильник и Вий.

ВИЙ. Вы люди вообще?

РЭКС. Вопрос риторический.

ЛИНА. Мясо, чай поставь.

ВИЙ. Нет. Вы ответьте.

ЛИНА. Люди мы, люди.

ВИЙ. Второй час уже «бум-бум». Потом скрежет. Потом что-то падает. Потом крики. Потом опять «бум-бум».

РЭКС. А у тебя Мими. Понимаю...

ВИЙ. Вы слышите? Вы меня слышите? Меня вообще кто-нибудь слышит? Кажусь себе промокашкой. Мими теперь не скоро вернется.

РЭКС. Лина виновата. Топала больше всех.

ЛИНА. Вий. Ты это. Не расстраивайся. Вот - любуйся. Только доставили.

ВИЙ. В кредит взяли?

ЛИНА. Угу.

ВИЙ. А заглянуть можно?

ЛИНА. Конечно.

Смотрят в Холодильник.

ВИЙ. Можно заложить сюда воспоминания.

ЛИНА. Прости. Чего заложить?

ВИЙ. Воспоминания. На среднюю стеклянную полку.

ЛИНА. Не лучшее начало.

ВИЙ. Как в Гарри Поттере. Только вместо омота памяти вторая полка Холодильника.

ЛИНА. Вот в мусоропровод бы с удовольствием. Но в Холодосе хранить...

МЯСО. Ничего бы ты ни в какой мусоропровод.

ЛИНА. Тебе конечно виднее. Мясо, где чай?

МЯСО. Чай так чай.

Мясо и Вий идут пить чай.

- 5 -

Лина, Рэкс и Холодильник - не пьют чай.

РЭКС. Это он, конечно, зря.

ЛИНА. Видимо, так получилось.

РЭКС. На днях приходила его мать. Кинула в меня табуреткой. У нее что-то с нервами. Я просто сказал, что он. Ну. Опасен для окружающих.

ЛИНА. Пусть себе живет в своей двушке на окраине. Тебе-то что.

РЭКС. Просто есть же медицинские учреждения.

ЛИНА. Ты ничего про это не знаешь.

РЭКС. Но эта его Мими.

ЛИНА. Чем она тебе мешает?

РЭКС. Сегодня Мими. Завтра не пойми кто еще. А послезавтра найдут меня, как ближайшего соседа, истыканным зубочисткой до самой моей смерти.

ЛИНА. Вряд ли тебя проймешь зубочисткой.

РЭКС. Дзинь дзинь дзинь. Дзинь дзинь дзинь дзинь.

ЛИНА. И что?

РЭКС. Это типа твоя песнь о моей смерти.

ЛИНА. Смерть, дзинь и твой поехавший разум. Все логично.

РЭКС. Она же такая. Пока не станет твоей реальностью она – дзинь дзинь дзинь. Слышал, Витя подавился орешком? Дзинь дзинь дзинь. А может курицу не дожевал. Дзинь дзинь дзинь. А Мила от инфаркта. Дзинь дзинь дзинь. А вот когда

увидишь занесенную над твоим глазом зубочистку – быстро расшифруешь. Что к чему.

ЛИНА. Не хочу расшифровывать. Я жить хочу. Двигать грудной клеткой. Туда-обратно. Мне иногда кажется, что я могу забыть как это делается. Вдруг возьму и забуду.

- 6 -

Тем временем с чаем что-то пошло не так.

ВИЙ. Ну все - я обварился.

Далее - ор.

МЯСО. Да там всего градусов 50 было. Клянусь. Он же почти остыл уже. Да давай, я салфеткой. Лина, я честно не хотел. Вий, не ори ты! Снимай штаны, я просушу.

ВИЙ. Зачем я только пришел. Но Мими... Я всего лишь хотел попросить поменьше топтать. Кожа слезает. Смотри! Мими не выносит уродства.

МЯСО. Вий, снимай штаны.

ЛИНА. Оставь его, в самом деле. Не хочет человек.

ВИЙ. Не хочет человек!

Тем временем Рэкс разглядывает скатерть с большим рыжим пятном по центру.

ЛИНА. Ну вот... Мамина скатерть. А как все хорошо начиналось.

Сказочник Лина

Утро. Тепло. Солнечно. Первое сентября.

Одеваюсь. Белая новая кофточка, черная юбочка, любимые туфли.

Мама надела свой любимый бежевый костюм.

Позавтракали, собрались, десять минут девятого – выходим. Какая же погода хорошая!

Мы с Мамой заходим в ее класс. По всей школе пахнет краской. Мама пишет на доске фразу: «Добро пожаловать в школу!».

Я хожу, что-то прибираю.

Вышла на улицу – никого из «наших» нет.

Батика встретила с **Шалвой**. **Джультеты Георгиевны** еще нет. Вообще никого из наших нет. Выхожу во двор.

А вот и **Дреева!** Она в панике: туфли натерли, нужна вата. Забежали к Маме. Там уже первоклашки сидят за партами, у всех банты, цветы. Все нарядные. Я **Мадине** говорю, что завидую им: «Они такие маленькие и счастливые». Потом вышли во двор, там наши уже построились. Ну, мы рванули к ним. Все стоят, разговаривают, в ожидании начала линейки. Мы с **Кристиной** и **Дзерой** обсуждаем дзерину кофточку.

Тут наш разговор обрывается. Где-то совсем близко раздались выстрелы.

-7-

Лине лежит и что-то бубнит себе под нос. Мясо, тем временем, потерял один тапок.

МЯСО. Здесь должен быть. Нет. Не здесь. Лина, что за шум? Лопаются шины? Не паникуй. Ты же не паникуешь? Ладно. Просто лежишь. Ну лежи. На полу хорошо. Лежи, лежи. Ты не видела мой тапок? Везде уже смотрел. Мне же надо... Что такое? Что там творится? А! Это Вий вестерн смотрит. С Клинтом Иствудом. Помнишь такого? Твой краш.

ЛИНА. Он старый.

МЯСО. А тапок видела? Не могу найти.

ЛИНА. Подо мной посмотри.

МЯСО. Смотрел уже.

ЛИНА. Тогда не видела. Прости.

Рэкс приходит с сенсационными новостями.

РЭКС. Внимание! Сообщаю! Сосед, который на синей Ниве, отстреливает собак.

МЯСО. Да не гони. Это Вий вестерн смотрит.

РЭКС. Стоит на балконе в одних трусах и палит по бродяжкам. Сам посмотри. Что ты ползаешь тут? Встань, пожалуйста.

МЯСО. Тапок потерял.

РЭКС. Так вот же. Под Линой. Чего это с ней?

МЯСО. Жарко.

РЭКС. А бубнит чего? Лин, вставай. Это - сосед. На Ниве который. Он собак отстреливает.

ЛИНА. Я сразу так и поняла. А Мясо не верил. Вестерн, говорит.

РЭКС. Пойдем, посмотришь.

ЛИНА. Полежу пока.

РЭКС. Мясо, иди смотреть.

Рэкс и Мясо смотрят из окна.

МЯСО. Он же вроде нормальный.

РЭКС. Вчера был.

МЯСО. Убью его.

РЭКС. Чем?

МЯСО. А чем можно?

РЭКС. Ружьем. Есть?

МЯСО. Нет, конечно. Я же не охотник.

РЭКС. Вот и у меня нет.

ЛИНА. Вий идет.

РЭКС. Скорее, ползет.

Вий действительно ползет. Вползает. Вполз.

ВИЙ. Что происходит? Мими в панике. Спрятал ее в шкаф. Забаррикадировал креслом.

РЭКС. Сосед, который на синей Ниве отстреливает собак.

ВИЙ. Собак? Живых?

РЭКС. Теперь уже нет, конечно.

ВИЙ. Как? И вы просто смотрите? Да что же вы?

РЭКС. Ружья нет.

ВИЙ. Прекрати стрелять, урод!

РЭКС. Бесплезно. Единственное, что остается – бубнить. Лина вот в курсе.

ВИЙ. Пойду подожгу его балкон!

РЭКС. Бесплезно. Железная дверь. Ее не взломать. Он не успокоится пока не настреляется. Надо ждать.

ВИЙ. Чего ждать?

РЭКС. Воя сирен, конечно. Чего еще ждут в такой ситуации? Или ждать, пока в нем снова проснется человек. Или - иди ложись рядом с Линой.

ВИЙ. Это чертово бессилие.

ЛИНА. Белая с черными ушами. Она тоже? Мясо... Она там? Только не ври мне.

МЯСО. Это кажется из книги, Лин. Белый Бим черное ухо. Такой у нас во дворе не было.

ЛИНА. Мама как-то пришла с работы и принесла мне книжку. На обложке - рыжая собака. Она мне читала ее каждый вечер.

РЭКС. Про что книга?

МЯСО. Про рыжую собаку, наверное.

ЛИНА. У собаки утопили щенят и она умерла от горя. Вы знаете, что ученые доказали способность собак чувствовать? Они по своему эмоциональному интеллекту все равно что пятилетние дети.

РЭКС. Придумала.

ЛИНА. Я читала! Я не придумала!

МЯСО. Смотрите. Его скрутили. Кто-то ударил его по голове. Ой.

РЭКС. Менты?

МЯСО. Смотрите. Кто-то монотонно бьет его по голове.

ЛИНА. Да какая теперь разница?

Сказочник Мясо

Где-то совсем близко раздались выстрелы.

Я повернула голову и увидела трех мальчиков бегущих к выходу, а за ними человека в камуфляже и с черной густой бородой. Он бежал за мальчиками и стрелял в воздух.

«Кто-то плохо шутит, наверное, розыгрыш или опять какая-то проверка».

Нас погнали в сторону котельной.

Мы сбились в кучу.

Мы сидели у стены котельной.

Люди паниковали.

Они приказали нам молчать и подходить к спортзалу.

Люди не подходили к двери спортзала, а просто кинулись туда.

Это был не страх, это было желание жить.

Дверь спортзала была закрыта.

Они выбили два окна выходящие в коридор. Все стали запрыгивать через них. Пихались, толкались, старались пролезть.

Когда все люди оказались в коридоре, они сказали нам, чтобы мы сели на корточки и молчали. В этой толпе я разглядела **Зарину** – мою одноклассницу. Я взяла ее за руку. Она очень крепко сжала мою ладонь и попросила, чтобы я не отпускала ее.

Мы медленно продвигались к спортзалу. Когда мы в него зашли, я заметила свою близкую подругу - **Мадину**.

Она нас заметила, и нас стало уже трое. Мы сидели на корточках и держали «руки зайчиком», как Они сами говорили.

Люди паниковали, мы были в истерике.

Чтобы нас успокоить, Они подняли мужчину и пригрозили убить его, если мы не замолчим.

Мы старались, но страх и паника брали верх.

Раздался выстрел. Они его убили... тут наступила тишина

Они приказали сначала выбросить все телефоны, а потом и сумки.

Они сказали, что расстреляют двадцать человек, если услышат какой-нибудь телефонный звонок. После этого полетело еще около десятка сотовых.

Они еще раз пригрозили, сказали, что расстреляют двадцать детей. Учителя уговаривали людей, чтобы они отдали все мобильные. Еще несколько телефонов вылетело из толпы.

Некоторую массу людей Они подняли и перегнали в противоположную сторону спортзала. Среди них оказались и мы. К этому времени они уже разложили взрывчатку.

Все время я думала о Маме.

-8-

Лина и Мясо наслаждаются воскресным утром.

МЯСО. Интересно, как часто она бы приезжала?

ЛИНА. Кто? Ни минуты покоя в этом доме.

МЯСО. Это не дом. Это - квартира.

ЛИНА. А квартира, собственно, чем не дом?

МЯСО. Дом - это большое и загородное.

ЛИНА. А большое и городское?

МЯСО. Возможно. А квартира не дом. В квартире нет елочек и сада с зимними яблоками.

ЛИНА. Которые традиционно загнивают на ветках.

МЯСО. Какая разница. Главное сам факт. Душу греет, понимаешь? Вышел в сад, а там твои личные зимние яблоки, которые гниют на ветках.

ЛИНА. Как романтично.

МЯСО. Я про маму, а ты издеваешься.

ЛИНА. Просто я реалист и ты меня раздражаешь.

МЯСО. Вот сколько раз ты на турнике подтянешься?

ЛИНА. -2 раза.

МЯСО. Просто я спортсмен и ты меня раздражаешь.

ЛИНА. Твоей маме где такого юмориста дали?

МЯСО. Спроси у нее. Ах да. Она вряд ли тебе ответит.

ЛИНА. Прости.

МЯСО. Да ничего. Я чего-то размечтался сегодня.

-9-

Лина пытается не быть реалистом. Но только про себя.

ЛИНА (мама). Хочешь есть?

ЛИНА (дочь). Нет.

ЛИНА (мама). Почему?

ЛИНА (дочь). Не могу видеть твою стряпню.

ЛИНА (мама). Она омерзительна?

ЛИНА (дочь). Она омерзительна.

ЛИНА (мама). Она плохо пахнет?

ЛИНА (дочь). Она омерзительна.

ЛИНА (мама). Но ведь больше ничего нет.

ЛИНА (дочь). А кто виноват? Твоя дочь?

ЛИНА (мама). Государство.

ЛИНА (дочь). Какое государство?

ЛИНА (мама). Ну как какое. Которое заставляет тебя поедать то, что я готовлю из того, что у меня есть.

ЛИНА (дочь). Mam, сейчас 97-й. А ты говоришь – заставляет. Где логика?

ЛИНА (мама). А где логика в том, что 97-й пахнет... вот так и пахнет?

ЛИНА (дочь). Твои обязанности - ты и отвечай. Ты должна снабжать между прочим растущий организм витаминами!

ЛИНА (мама). Я и снабжаю. В холодильнике осталось одно яблоко.

ЛИНА (дочь). Не люблю зимние яблоки.

ЛИНА (мама). Хочешь запекую?

ЛИНА (дочь). Mam, не хочу. Хватит с меня твоих черных макарон.

ЛИНА (мама). Они не совсем мои. Я их только сварила.

ЛИНА (дочь). Ладно, они не твои. Они произведены на заводе №0. Из опилок. Только, что это меняет?

ЛИНА (мама). Они не из опилок.

ЛИНА (дочь). А почему черные?

ЛИНА (мама). Они просто для дураков.

ЛИНА (дочь). А дуракам они не противопоказаны на завтрак, обед и ужин?

ЛИНА (мама). Дуракам ничего не противопоказано. Дуракам противопоказано только одно – пытаться жить.

ЛИНА (дочь). Mam, мы о черных макаронах. Не до философии.

ЛИНА (мама). Прости.

ЛИНА (дочь). Ладно, мам. Все будет хорошо. И черные макароны даже вкусные иногда. Когда ты их не перевариваешь, они очень даже ничего.

ЛИНА (мама). Правда?

-10-

Лина снова становится реалистом

ЛИНА. Мечты убивают черные макароны.

МЯСО. Глютен убивает, да.

ЛИНА. Я про бессилие.

МЯСО. Бессилие так-то бывает разным по природе.

ЛИНА. Я про маму, между прочим, а ты издеваешься.

МЯСО. Прости. Я в детстве мечтал залезть в холодильник и провести там хотя бы пять минут. Понимаешь?

ЛИНА. Нет, если честно.

МЯСО. Но холодильник всегда был заставлен кастрюлями. И мама не разрешала. Ты что делаешь? Лина! Хорошие же яйца! СО! Что ты творишь?

ЛИНА. Мечту твою исполняю. Сейчас с тобой случится чудо. Помоги...

МЯСО. Вот еще.

ЛИНА. Мясо! Я для кого стараюсь?

Лина и Мясо заваливают Холодильник на пол.

ЛИНА. Устраивайся...

МЯСО. Вот еще! Не хочу. Он теперь на гроб похож. Окей. Окей. Даже волнительно как-то.

ЛИНА. Еще бы!

МЯСО. Тут холодно. Но отсюда прикольно смотреть на потолок. Жаль, ты этого не видишь.

ЛИНА. Не, это как-нибудь без меня.

Лина закрывает Холодос.

Сказочник Лина

Все время я думала о Маме.

Все время искала ее глазами, но безуспешно. Но вскоре я услышала голос, самый приятный и любимый голос с детства. Ее Голос. Она просила одного из Них, разрешить ей пойти сесть ко мне.

Они разрешали родственникам вставать и передвигаться, чтобы сидеть рядом.

Мама подошла к нам и села.

Мы сразу стали расспрашивать ее, что будет, отпустят нас или нет.

Мама говорила очень спокойно, что все будет хорошо, что нас спасут.

Я смотрела на нее, и понимала, что даже мама не знает, чем все кончится, но она просто успокаивала нас, как своих учеников, как детей.

Прямо возле нас стояли две шахидки. Они были в парандже, и их не лиц не было видно. Только глаза и ноги. Они были в спортивках и кедах. В одной руке у них были пистолеты, а другую они все время держали на кнопках от поясов.

Шахидки куда-то вышли.

А потом, подняли десятерых крупных мужчин и вывели. Нам сказали, чтобы мы не переживали и, что с ними будет все в порядке. Мимо проходил боевик, вдруг он остановился, что-то сказал, потом посмотрел на Мадину, и очень разозлился. Он со словами: «Закрой свой стыд!», кинул ей какой-то пиджак. У нее были голые колени и она, испугавшись, сразу накрылась. После этого мне стало чуть-чуть легче. «Хоть насиловать не будут», - думала я.

Именно этот боевик, его лицо, было мне очень знакомым.

Ему было лет 35-38, не больше и у него был огромный шрам на шее. Сначала, он был самым нормальным.

Да, и вообще....

Все Они сначала были «нормальными».

-11-

Вий рассказывает Мими забавный случай из жизни.

ВИЙ. Бывает, смотришь на человека. А он - кажется. Не в прямом смысле. Не в смысле привидений. Я не еретик какой-то. Хотя, еретик дурацкое слово. Какое-то средневековое. А я настоящий, да же? Живой. Свежий и сегодняшний. Был на Почте. А ты наверняка видела тетку, которая там работает. Хотя нет. Лет тридцать ей, не больше. Какая она тетка. Торчит себе в окошке. Без пола и без возраста. Это окошко. Оно специально придумано для обесчеловечивания. Стоит сунуть туда голову. Ой. И вот оно. Неконтролируемое желание унижать и подавлять. Ты - враг потому что твоя голова торчит по ту сторону окошка. А у нее муж пьет. И бьет иногда. Бордовые волосы плохо покрашены. Достать чернил и плакать. Да если бы. Я уронил карту. А ее нельзя ронять. Швырнула в меня чеком. Очень виртуозно. Попала в лицо, не задев ни одной поверхности. Потом мне улыбнулся сосед. Не этот, а в очереди. А этот сосед собак перестрелял. Но у него говорят выдалась сложная неделя. Стресс на работе. У одной из собак был обрубок вместо хвоста. Ударил вчера ногу, подорожник так и не нашел. Есть надежда, что мир от моего безумия избавит сепсис.

Мясо кричит из запертого Холодильника, Вий благородно его спасает.

МЯСО. А если бы я не кричал?

ВИЙ. Прости, поправлю. А если бы я не скулил в низких частотах?

МЯСО. Ты меня назвал сейчас собакой?

ВИЙ. Это твоя интерпретация. При чем тут я?

МЯСО. Не играй в слова.

ВИЙ. Не указывай мне из Холодильника. Что ты делаешь?

МЯСО. На что это похоже? На телодвижения под музыку - нет?

ВИЙ. Тут нет музыки.

МЯСО. Как нет?! Дженис Джоплин вот.

ВИЙ. Дженис слишком заморочена для таких дурацких танцев.

МЯСО. Да какая разница. Я тебе историю рассказываю.

ВИЙ. Какую историю? Как ты отравился на прошлый новый год?

МЯСО. Узко мыслишь. Псих вроде. Должен нестандартно смотреть на вещи.

ВИЙ. Я не псих. У меня просто воспаленная фантазия.

МЯСО. Все мамы дебилов так оправдываются. Ладно. Прости. Понимаешь... Внимание, история! Что бы ты не пережил - ты всегда один на один с этим. Ладно, назовем это инсайтом. Помедитировал в Холодосе и вот - родилось. А сочувствие - отвратительное заблуждение. Что это вообще? Сочувствие. Как можно утверждать сопричастность к тому, чего не пережил сам?

ВИЙ. Можешь ложиться обратно, я верну дверцу на место.

МЯСО. Только не надо свой страх оправдывать сочувствием.

ВИЙ. Страх чего?

МЯСО. Страх перед чувством вины.

ВИЙ. И в чем мораль?

МЯСО. Долой лицемерие! Танцуй на моей могиле!

ВИЙ. В этой истории дурачок вроде я.

МЯСО. Есть ведь часть меня. То, что часть меня. Понимаешь? Псих, блин. Часть меня, тебя, Лины, ну и может быть Рэкса. И в этой части мы как сиамские близнецы – срослись задницами. Ты понимаешь? Это уникальный случай реального сочувствия. Уникальный, блять, случай. Прости. Вырвалось. Мы - сочувствуем. Вдох-выдох-вдох-выдох. Дышим сросшимися задницами. Мими наверняка тебе все давно объяснила.

ВИЙ. Причем тут Мими? Я не понимаю! Мими не из этой истории!

МЯСО. Ладно. Выключи свет, я посплю. В своей мечте, между прочим.

ВИЙ. Не отморозь себе что-нибудь существенное.

МЯСО. Ты тоже считаешь, что мечты то еще дерьмо?

ВИЙ. Не знаю. Моя мечта не такая бестолковая.

МЯСО. А моя - не пахнет шизофренией.

ВИЙ. Мне нельзя без Мими. Тебе же нельзя без Лины? И то, что ты ни разу ее не видел еще не означает, что ее нет. Это значит только, что тебе она безразлична. Зачем мне верить твоему здравому смыслу, а не своим глазам? Мне плевать на твой здравый смысл. Он мне не поможет выжить.

МЯСО. Мими, привет!

Сказочник Вий

Время текло очень медленно.

Было жарко, ужасно жарко.

Мы сидели с Мадинкой и разговаривали.

Еще вчера мы все приходили в школу, прибирались у мамы в кабинете, там же с Дзеркой рисовали плакат с Буратино и букварем маминым первоклашкам.

Потом после работы мы ели обычный для МАДАММ обед: лаваш с майонезом и полутора литровый лимонад за 9 руб.

Мы все сидели за двумя маленькими партами: я, Батик, Дзера, Мадинка, Алина и мой двоюродный брат Тимур. Все было тихо.

Мы (МАДАММ) часто собирали такие посиделки, и обычно сидели часов до четырех, до самого закрытия школы.

Случалось даже такое, что школу закрывали, и мы вылезали из окон. Но всегда нам очень сильно хотелось остаться в школе с ночевкой. Вот такое маленькое МАДАММовское желание.

Где-то часов в пять раздался какой-то взрыв.

Он был в школе, но далеко от спортзала.

Спустя несколько минут в главный вход боевики завели одного раненого мужчину из тех, кого выводили. Возле нас сидела Фатима-медсестра, и его подвели к нам. Фатима попросила, чтобы ей разрешили взять медикаменты из кабинета, но Они ее не выпустили. Тогда она нашла какую-то рубашку, и стала перевязывать его голову и плечо.

Кацанова Алана очень сильно ухаживала и помогала. Она все время вытирала раненого тряпкой, давала ему воду, обмахивала бумажками.

Для меня она героиня.

К концу дня чувства голода почти не было, вернее жажда и жара забили его. Было где-то около восьми часов, когда пошел дождь, он стучал крупными каплями по подоконникам. Мы как раз сидели под выбитыми окнами и хватали ртом дождевки - так хотелось пить. Мама накрывала меня и девочек своим пиджаком, а я все время вылезала из-под него – под дождь. Мне было так хорошо, по-моему, самое лучшее воспоминание из этого ада.

Приближалась ночь. Никаких новостей. Хотелось спать, хотелось пить, есть не хотелось совсем.

Всю ночь мы спали парами по часу.

Кто-то спал у кого-то на коленях, на плечах.

Вот в такой, не самой лучшей обстановке и исполнялось наше «маленькое МАДАММовское желание».

Лучше бы оно никогда не исполнилось...

-12-

Лина и Рэкс - кажется, снова что-то о мечтах.

ЛИНА. Лучше бы она не исполнялась.

РЭКС. Не ворчи.

ЛИНА. Почему же? Буду классической стереотипной женой.

РЭКС. Рано двинула в эту сторону.

ЛИНА. Может рано, а может поздно. А может вовремя.

РЭКС. Но храпит он знатно. Не отморозит чего?

ЛИНА. На этой стадии мне уже все равно.

РЭКС. Эх, Мясо, Мясо...

ЛИНА. Расскажи про свою девушку.

РЭКС. Что?

ЛИНА. Все равно что. Скучно.

РЭКС. Она красивая и ходит на эпиляцию раз в неделю.

ЛИНА. У нее фобия волос?

РЭКС. Я слишком тактичный, чтобы спрашивать.

ЛИНА. Но не слишком, чтобы рассказывать такое чужому человеку.

РЭКС. Ты издеваешься?

ЛИНА. Конечно же, нет.

РЭКС. Я ей рассказывал про тебя.

ЛИНА. Говорю же. Ты - трепло.

РЭКС. Ты же мне чужой человек - допустим, переживешь.

ЛИНА. И что? Что рассказывал?

РЭКС. Всё.

ЛИНА. В смысле всё?

РЭКС. В смысле - всё, что было.

ЛИНА. Ничего не было.

РЭКС. Мне так не кажется.

ЛИНА. Кажется.

РЭКС. Нет.

ЛИНА. Кажется.

РЭКС. Ладно. Я рассказывал ей, как мне однажды все показалось. Ну, например, показалось, что была ночь. Показалось, что пацаны забыли меня и тебя в подвале. Показалось, что очень холодно. Показалось, что на тебе красный комбез. Показалось, что у тебя дрожит шея. "Ты плачешь?" Показалось, что ответила "Да". Хотя, "отвали" больше походило бы на реальность. Показалось, что мои пальцы покалывает, когда я касаюсь твоей дрожащей шеи. Показалось, что она такая хрупкая. Показалось, что если на нее надавить - тебе станет легче. Показалось, что это плохая идея. Показалось, что лучше согреть эту дрожащую шею.

ЛИНА. Показалось, что лучше сейчас заткнуться.

РЭКС. Знаешь, что я еще ей рассказывал? Что ты сидела за соседней партой. И от тебя к концу уроков всегда пахло потом. Почему? Потому что мы были бедны и убоги. И нам не покупали дезодорантов Рексона. Сейчас я думаю - хорошо, что не покупали. Лина? Ты слушаешь?

ЛИНА. Что? Прости, ногу натерла. Все время отвлекает.

РЭКС. А меня отвлекает сейчас мысль о том подвале.

ЛИНА. Неудачная такая обувь.

РЭКС. Отвлекает от всех этих сожалений. От всех этих гребаных сожалений. Меня не было с вами. Почему меня не было с вами? Где я был? Почему не с вами? Почему не там? Почему?

ЛИНА. Ты прекратишь это?

РЭКС. Конечно, чужой человек Лина.

-13-

Вий тем временем принес полную футболку яблок

ВИЙ. Мама приходила. Рэкс, не сиди на полу – плохая примета.

РЭКС. А у Лины не плохая?

ВИЙ. Лина не в настроении. Не до примет.

РЭКС. Зачем принес?

ВИЙ. Полезно. Будешь?

РЭКС. Я только летние.

ВИЙ. Лина?

ЛИНА. Достали вы со своими яблоками.

Тем временем из Холодоса вылезает Мясо.

МЯСО. Дружище!

Ритуал поедания и надкусывания всех яблок.

МЯСО. Ну вот. Теперь можно и на войну. Где мой нож?

Кажется, действительно уходит на войну, прихватив нож из Икеа.

ЛИНА. Понятно. Отморозил себе мозг.

РЭКС. Не был бы так категоричен. Сосед на Ниве вернулся из больницы. Сосед на Ниве впаял два иска чуваку, который, не дождавшись полиции, нанес ему двадцать ударов в область головы. У Сосед на Ниве застарелая детская травма и стресс на работе. А людей с детскими травмами и стрессом на работе не бьют по голове. Что бы они не натворили. Такие дела у нашей системы.

ЛИНА. И Мясо решил исправить все тупым ножом из Икеа?

РЭКС. Твой герой решил стать героем.

ЛИНА. Не смешно.

РЭКС. А мне кажется, что живот надорвать можно.

ЛИНА. Почему же ты его не рвешь?

РЭКС. Чего ты от меня ждешь?

ЛИНА. Ничего не жду.

РЭКС. Хоть раз скажи как есть. Буквами. А не шифрованными телеграммами в космос. Разве это преступление - сказать хоть раз правду?

Рэкс тоже уходит, прихватив еще один нож из Икеа.

ВИЙ. Мне на войну нельзя.

ЛИНА. И не ходи, я не заставляю.

Лина ложится в Холодильник.

Сказочник Лина

Проснулись рано, часов в семь.

По-прежнему душно. Есть не хочется, только пить. Ужасная жажда. Хочется спать, а с Этими поспишь...

Они не разрешают пить воду, ссылаясь на то, что она отравлена.

Выпускают в туалет выборочно. Возле выхода в туалет образовалась огромная очередь, которую Они время от времени разгоняли своими криками и угрозами.

Второй день тянулся долго...

Очень.

Ноги затекали, хотелось только воды, иногда в туалет.

Иногда раздавался звонок мобильного.

Мелодия «Nokia Tune».

Вот и опять кто-то позвонил.

Еще рядом были окна, что позволяло нам более-менее нормально дышать, в отличие от других, которые задыхались в центре спортзала. Они так плотно сидели там, и им не хватало воздуха настолько, что люди падали в обмороки уже в конце второго дня.

Мы с Мадиной решила «сесть» в ту самую очередь.

Мы проходили мимо Альбины Викторовны. На ее коленях лежала девочка-пятиклассница, у которой уже почти не было сил, а А.В. гладила ее по голове, отвечала на ее вопросы и успокаивала. Заметив нас, она сказала «Ой, вы

здесь, девочки мои? С вами все в порядке? Ну, хорошо. Все будет хорошо». А я была так рада ее видеть. Как будто не видела родного человека несколько лет. У нас с Мадишкой настроение поднялось.

Еще в этой очереди мы встретили Дзерочку.

Спросили, где она сидит. Мадишка пыталась ее переманить в нашу сторону уговорами, что там почти все «наши». Но Дзера сказала, что сидит там с Зариной В. и не пошла.

Но войти в туалет нам с Мадишкой так и не удалось – Они опять разогнали очередь.

Никакого движения, никаких новостей.

Сил на шутки и вообще приподнятое настроение оставалось все меньше, но несмотря на это, мы продолжали держаться. В туалет не выпускали, воду не разносили с начала захвата. Становилось тяжело. Внезапно боевики воодушевились и стали вести себя более активно. Подняли Л.А. и пошли с ней куда-то...

Через некоторое время она вернулась с одним мужчиной в камуфляжной шинели.

Л.А. что-то сказала, потом начал говорить он. Я не слышала их речи, потому что они стояли у выхода, но когда они замолчали, заложники стали улыбаться и хлопать, кто-то плакал. Я подумала, что людям уже психологически очень тяжело. Некоторых Мам поднимали с детьми. Потом по слухам толпы, мы узнали что их вывел этот дядька, А.

Не знаю, для чего именно и из каких целей он это сделал, но благодарна ему, он спас многих...

До вывода, еще в первый день ходили женщины и записывали сколько детей и сколько кому лет, тем самым давали надежду на освобождение.

Вообще, даже сидя в зале, слухи разносились мгновенно. Сколько раз люди говорили между собой о том, что «Вот через час (два часа, вечером, завтра в 11) начнут выпускать детей, оставят взрослых»...

После ухода А. атмосфера в зале стала как-то полегче.

По-прежнему было очень жарко и душно. Днем одному пожилому мужчине в зале стало плохо. Рядом с ним все это время сидела очень красивая женщина в черном платье с кружевами, она обратилась к одному из боевиков с просьбой о помощи, лекарствах, на что он, со своим диким акцентом отвечал: «Мы ничего вам не дадим», «Пусть умирает».

Женщина стала ругаться и кричать, что вывело боевика и заставило его поставить дуло автомата перед лицом этой женщины. Она его не боялась, говорила что-то типа «Стреляй». Подбежала Лидушка, начала кричать Им: «Мальчики не надо,

пожалейте ее, она и так вдова». У этой женщины было красивое, сильное лицо, с будто вырезанными чертами.

Около часов 9-10 в террористах снова проснулись человеческие качества, и они сказали нам, чтобы пожилые люди, учителя по желанию вставали и перемещались в тренажерный зал.

Мы поднялись и пошли туда. Там было довольно прохладно, до этого момента и никогда не была там. Мы сели. Практически на голый бетонный пол...

В тренажерном зале дежурил террорист, который был одним из нескольких оставшихся ко второму дню в маске. Глаза его были хорошо видны и почему-то казались нам не такими страшными, хоть под левым глазом был огромный синяк. При этом он приподнимал свою маску, и заметить бороду мы тоже не могли. Он стал нас запускать в душевые по очереди. Это было очень кстати, потому что силы были на исходе, очень хотелось в туалет, но мы терпели весь день.

Я зашла в душевую с Мадией и ее братом Дзамбиком, на полу были разбитые стекла, поэтому я решила взять босого и раздетого Дзамбика на руки, он был очень худым и невысоким мальчиком.

С плакатов, висящих на стене, нам улыбались спортсмены: боксеры, баскетболисты и бодибилдеры. Пока Мади была в «туалете», я отвлекала Дзамбика разговорами о футболе – это его страсть. Потом пошла сама и наконец пила воду. Ничего вкуснее, приятнее, сытнее этой воды я не пробовала в своей жизни. И мне тогда было совершенно все равно, отравлена она или нет.

Мы вернулись, потому что этот молодой террорист подгонял всех быстрее, «чтобы все успели зайти».

Мы легли спать.

Мама положила рядом Дзамбика – он был ее учеником, одним из любимых, а я легла рядом с ним, при этом стараясь обнять маму, потому что он был совсем раздетым, еще у него были проблемы с почками, а мы таким способом старались его греть.

-14-

Лина и Вий ждут вестей с войны.

ЛИНА. Девять лет назад он проснулся и попросил после плотного завтрака называть его Мясо. Прихоть мутного утреннего сознания, понимаешь?

ВИЙ. Я не помню его настоящее имя.

ЛИНА. Имя, которое нельзя называть

ВИЙ. Я тоже как-то проснулся и после плотного завтрака... Я же даже если смотрю у меня глаза закрыты. Вот как сейчас. А когда я их осмеливаюсь открыть - кто-то

умирает. Это я еще в детстве заметил. Сначала папа, потом... Дядю Витю помнишь? Он нам пингинов вырезал. Из деревянных перекрытий дома-призрака. Я как то пришел к нему. Хотел у пингвина-9 глаз подправить. А он того. Лежит на диване. Почему именно я? - спрашивал себя много раз. А кого еще спрашивать?

ЛИНА. Глупости какие. А дом-призрак. Его задолго до этого разобрали.

ВИЙ. Нет. Не до этого. Во время. Теперь вместо семейной истории - супермаркет "Все товары по 30 рублей".

ЛИНА. Никакой семейной истории уже давно не было. Развалилась семья.

ВИЙ. Но ведь что-то же должно было остаться?

ЛИНА. Мусор в консервы закатывать. Зачем?

ВИЙ. Жестоко.

ЛИНА. Жизненно. У моей бабушки сестра была. Очень красивая женщина. Всю жизнь - по санаториям, муж с руки ел все, что предложат. Хорошая жизнь. Только ее сын так и остался не у дел. Вырос сам по себе. Становился никем - тоже сам по себе. Когда она умерла, в своей квартирке с огромными часами... Никому эта вся похоронная суэта не нужна была. Мы все и организовывали... Кучу фотографий нашли в чемодане под кроватью. Улыбаются, такие все красивые. Всем там было место - а сыну не нашлось. Мы эти фотографии так и побросали в реку. По одной. Посмотрим, погадаем, что за судьбы за этими лицами скрываются и бросаем в воду. Чтобы не на помойку.

ВИЙ. Пойду я. Мими уже стучит по батареям. Слышишь? Зовет. Хотел дождаться. Но новости сами просочатся. Зачем ждать? Пойду я.

ЛИНА. Иди конечно. Это я так... Не обращай внимания, Вий.

ВИЙ. Я и не обращаю. Ни на что не обращаю.

Вий уходит. Лина напевает.

ЛИНА. Где ты была эти дни и недели, куда указала лоза? кто согрел твоё в камень замерзшее сердце? Я знаю во время великого плача остались сухими глаза у тех, кто звонил нам домой и сулил нам бессмертье. Господь дал нам маковый цвет, дал нам порох, дал имя - одно на двоих. И запеленал нас в узоры чугунных решеток. И стало светло, как бывает, когда в самом сердце рождается стих. И кто-то с любовью помянет кого-то. Так где ты была? Я собрал все оружие в самый дырявый мешок и вынес туда, где по-прежнему верят приметам. А здесь даже дети умеют вдыхать этот белый как снег порошок. И дышат на стекла и пишут, что выхода нет. Оо, хлопок и лен, Сколько лет прошло тот же свет из волшебного глаза. Оо, имя имен. Мы смотрим друг на друга, а над нами небо в алмазах.

Телефонный разговор - 1 шт

ГОЛОС. Это вы?

ЛИНА. Вроде я.

ГОЛОС. Вы сомневаетесь?

ЛИНА. Нет.

ГОЛОС. Не слышу уверенности в голосе.

ЛИНА. А зачем мне уверять себя, что я это я?

ГОЛОС. Не себя, а меня.

ЛИНА. Вам это обязательно?

ГОЛОС. Да.

ЛИНА. Да?

ГОЛОС. Вы в списке.

ЛИНА. Жертв изнасилования?

ГОЛОС. А изнасилование было?

ЛИНА. Нет. А черт его, впрочем, знает. Сознание же иногда стирает неприятные моменты.

ГОЛОС. Научите?

ЛИНА. Конечно, можно бы... Вы кто вообще?

ГОЛОС. Я тот, кто принесет вам покой.

ЛИНА. Вы хотите меня убить?

ГОЛОС. Гражданка как вас там...

ЛИНА. Лина.

ГОЛОС. Не морочьте мне голову.

ЛИНА. Напомню, что звоните мне вы.

ГОЛОС. Начнет сначала. Сейчас. Подождите. Найду текст. Итак. Все, что вы пожелаете, может исполниться, главное найти того, кто обладает силами. И...

ЛИНА. Это прямой эфир? Можно я привет передам?

Сказочник Вий

Проснулись очень рано.

Где-то в начале шестого, потому что тогда еще не рассвело, когда нас переводили обратно в спортзал. Наши места под окнами на скамейках были заняты и в итоге мы оказались между кольцом и центром спортзала.

Время тянулось очень медленно, ползло.

Какое-то время мы еще спали. Жажда убивала. И бессилие, не хотелось даже двигаться. Я видела у некоторых людей баклажки с желтой жидкостью, сначала я не поняла, что это была моча.

Все это время с Зариной был ее двоюродный брат, первоклассник, она очень боялась за него.

На третий день он был совсем слабым, и все время просил воды. Тогда она взяла откуда-то мочу в какой-то сломанной дешевой шкатулке и давала ему немного, обтирая ее же его и свое лицо. Я не смогла преодолеть свою брезгливость или моя жажда была не такой сильной, чтобы выпить это. Зарина лишь протирала мне лицо и губы. Это не было так мерзко на тот момент, нет.

Рядом сидел мальчик из параллельного класса и явно уже был не в себе. Просил у нас наши номера телефона, обязательно хотел их запомнить и набрать, когда мы выйдем оттуда. А когда увидел сосуд с мочой, стал швырять его и кричать нам чтобы мы не пили «это масло».

Дико хотелось спать.

Я уже мечтала не столько об освобождении, сколько о смерти, потому что это казалось более вероятным исходом. А хотели в третий день мы только одного – конца. Любого конца, лишь бы все это кончилось.

В бессилии и желании уснуть я валилась на пол, но боевики заявили, что будут расстреливать всех, кто теряет сознание.

Тогда Мама сказала: «Надо подняться». Мы с Зариной прислонились друг к другу спинами, так и сидели, потому что сил совсем не осталось, сама мама была уже очень-очень слабая.

Зарина спросила меня, который час.

Все это время на мне были любимые красно-коричневые часы «Swatch», которые мне подарила сестра, поэтому я все 3 дня могла ориентироваться во времени. На тот момент было без малого час дня, где-то без 10-5 минут.

Потом раздался телефонный звонок.

Время от времени боевикам звонили, и они все (как нам казалось, наверное) пересказывали заложникам. «Из Чечни выводят войска, – сказали они. – Если эта информация подтвердится, мы начнем вас понемногу выпускать».

И тут мне первый раз за все эти три дня захотелось заплакать, потому что появилась надежда, что мы вырвемся оттуда.

А потом....

-16-

Сумасшедшие танцы под Вагнера. Играет - Золото Рейна интерлюдия между 2 и 3 картинами. Танцуют все. Дотанцовывают только двое - Лина и Рэкс. Стоят - шатаются.

Сказочник Лина

А потом...

Я просто потеряла сознание, а когда очнулась, надо мной горела крыша, все падало, кругом лежали люди. И первое, что я увидела, когда я поднялась – горящий и обожженный труп одного из террористов на стуле, под разорвавшимся снарядом, которого заливал ведром с водой другой боевик. Они стали кричать о том, чтобы живые поднимались и выходили из спортзала в коридор.

Не знаю почему, но мы с Мамой встали и пошли.

Я успела заметить небольшую разорванную ямочку на левой руке и мысленно успокоилась, что других ран нет. У Мамы же в правой лопатке было маленькое и узенькое отверстие.

По пути к выходу я пыталась идти осторожно, везде лежали тела, фрагменты потолка, дымящиеся деревянные брусья.

У самой двери я увидела то, что до сих крутится у меня в голове, когда я думаю о теракте...

Я увидела тело маленькой и худой девочки, а когда посмотрела выше шеи, поняла, что просто не вижу верхней половины черепа, какое-то бело-красное месиво над красивым, но мертвым личиком.

Это был самый страшный и жуткий момент, наверное, тогда ко мне пришло осознание того, что это все реально.

Боевики вывели нас из спортзала в столовую.

Там заложники могли выпить воды из бочек, какие-то дети жадно ели печенья.

Недалеко от меня стоял мужчина с мальчиком на руках. Мальчик был все еще одет в брюки и белую майку, в центре которой был большой красный кровавый

круг. Он плохо дышал, вернее, его дыхание больше походило на хрипы странного животного. Мама спросила меня: «Это, что, мой Вовка?». Я его вроде узнала, но тогда не могла быть уверенной ни в чем, как будто мои зрение, восприятие и психика играли со мной.

А к маме привязалась одна девочка лет 8 в столовой и говорила: «Галина Хаджиевна, я вас знаю. Вы меня заберете к себе жить? Моя мама и сестра умерли. Точно, у нее кровь изо рта шла. Я хочу с вами жить, я сама одеваться умею и купаться, хорошо?». Мама только кивала в ответ, успокаивала ее и держала рядом.

Потом Они заставили заложников выставить в окна (а в столовой они были еще и прикрыты решетками) детей, чтобы те махали солдатам тряпками и кричали, что тут заложники, чтобы наши не стреляли.

Женщины не захотели ставить детей и встали на подоконники сами. Все снова лежали на полу (меня тогда чуть не задавили, мама помогла выбраться из-под груды тел). Потом раздался новый взрыв, очень сильный по своей мощи. Я смотрела в тот момент в потолок и горячая плотная взрывная волна окатила меня с головы до ног. Я подумала: «Вот и конец. На этот раз я точно умерла».

Я очнулась.

Кисть уже висела, кровью были залиты мои любимые «Swatch». Я посмотрела на ногу и увидела, что сквозь рану ниже колена я вижу что-то белое блестящее, похожее на кость. Мне было совершенно не больно, просто тяжело поднимать руку и ногу. Мама лежала рядом. «Нога, – сказала она. – Уходи».

Никогда не смогу простить себе то, что послушала ее, развернулась и пошла. Не знаю, что это было. Откуда это предательство.

Я поползла на четвереньках к выбитому окну.

Возле окна стояли какие-то печки, я добралась до подоконника. На одной из этих печек лежали два трупика раздетых истощенных мальчиков. Они были похожи как братья. Их глаза...

Видимо, их выставляли в окно с тряпками. Или дети просто хотели вырваться.

До улицы мне оставалось одно движение, когда моя нога провалилась в щель.

Я уже ногу почти не чувствовала, не могла ее найти, все тянула ее, тянула, и ничего у меня не получалось. Внизу меня уже ждали, и наши ополченцы, и военные. Они кричали мне: «Давай, золотце, давай, солнышко!». А я не могла. От этого чувства бессилия и безнадежности я стала плакать. Первый раз за 3 дня я плакала.

Но потом как-то собралась и освободила ногу. Меня подхватили, положили на носилки, понесли через какие-то дворы, закинули в пазик и повезли куда-то. Моя правая ступня всю дорогу как-то странно качалась. В пазике со мной лежала

женщина, которая сначала жадно пила воду. А мне было все равно. Сил радоваться уже не было...

-17-

У Лины – кровь из носа. Рэкс вроде в порядке.

РЭКС. Они спят. Устали. Не плачь только. Кровь из носа идет. Дай вытру. Кровь сотру, подожди только. Не дергайся. Это совсем не страшно.

(напевает)

“Он садится подле них,

обнимает и держит, шепча в уши:

«Подожди чуток».

И время останавливается,

и, когда время окончательно замирает,

Он возвращает людей к тому сроку,

когда эти мужчины и женщины

были маленькими мальчиками и девочками,

когда ужасная жизнь,

к которой они теперь пришли,

еще только начинается.

...он подсовывает детям баночку

с таблетками, похожими на конфеты,

он подводит детей

к тому месту на реке,

где весенний лед особенно

тонок,

он подводит их

к припаркованным машинам,

которые неожиданно трогаются

с места,

он показывает детям, как
натянуть на голову полиэтиленовый
пакет, в котором не оказывается
дырок. Но не все дети
слушались его¹.

ЛИНА. Ты знаешь, я была счастлива все-таки. Когда сидела перед тобой на первой парте и знала, что ты смотришь. И дух захватывало. Впереди - целая жизнь. И столько всего в этой жизни. И сцена и спасенные жизни и разные люди и своя швейная мастерская и тиражи книг написанные романы стихи повести пресс-конференции маме покупаю шубу папе машину и Паркер с золотым пером уезжаю навсегда жить туда где тепло живу в Москве в своей квартире в Питере на чердаке моя собака лижет мне нос каждое утро и у меня трое детей два мальчика девочка и у меня четверо детей три девочки и мальчик скажи почему все это не помещается ни в одну нашу жизнь?

РЭКС. Дай вытру тебе кровь. Спи. Спи давай.

Укладывает Лину в Холодильник.

Сказочник Рэкс

Сил радоваться уже не было...

Потом меня найдут родные; потом меня отвезут во владикавказскую больницу, где я буду лежать в одной операционной с моей мамой, но узнаю об этом только потом; потом я буду бороться со своим сознанием, чтобы ему не казалось, что я все еще в заложниках; потом я буду читать смс сестры и случайно прочту соболезнования о моей Маме; потом по телефону мне скажут, что буквы Д в МАДАММ больше нет – Дзерочка погибла; что Арсена нет в живых; что Аланка – моя героиня всех этих трех дней, погибла; что Сабину похоронили в закрытом гробу после экспертизы; что Альбина Викторовна выводила детей; что самые благородные и сильные умерли, сгорели, истекли кровью...

И много разных «потом».

До сих пор умирают из-за последствий теракта.

До сих пор люди проживают эти события снова и снова. Я вам не рассказала и половины, наверное. Память – удивительная штука: стремится забыть все плохое, страшное, больное.

1

Каждый день – новое «потом».

Я не знаю, что надо сделать, чтобы такого больше не повторилось. Или чего-то другого, ужасного.

Я рассказываю вам свою историю.

Все, что произошло – произошло в моей любимой школе, с моими близкими и любимыми мне людьми, и я считаю, что имею право на то, чтобы рассказать о своей боли вам.

Конец

06.05.2013

Новая редакция - июль 2022